

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

Советское военное искусство во Второй мировой войне (объективные причины поражений 1941—1942 годов)

Полковник А.И. КАЛИСТРАТОВ,
кандидат военных наук

В КОНЦЕ 1941 года после победы под Москвой советское военно-политическое руководство, ошибочно приняв достигнутый успех за перехват **стратегической инициативы**, решило переломить ход войны уже зимой 1941/42 года и нанести фашистам решительное поражение. В действительности инициатива была перехвачена лишь на московском направлении, а вермахт, хотя и был основательно потрепан, сохранил свои силы и качественное превосходство.

Девять из десяти фронтов Красной Армии, не обеспеченные достаточным количеством вооружения, военной техники и боеприпасов (четыре из них без оперативной паузы после контрнаступления), были брошены в общее наступление при примерном количественном равенстве в силах с противником¹.

К тому же наши войска были крайне истощены и плохо обеспечены. Плачевное состояние войск западного направления в начале зимы 1942 года хорошо видно по обеспеченности артиллерийским вооружением наступавшей на важнейшем вяземском направлении 43-й армии, входившей в состав главной ударной группировки фронта. Во всех семи стрелковых дивизиях и одной стрелковой бригаде количество артиллерийских систем калибра 76 мм и более не превышало 25 % штатного! В шести гаубичных и пушечных полках армейской артиллерии было в среднем по 15 стволов (чуть более 40 %). С противотанковой артиллерией дело обстояло еще хуже: в соединениях в среднем было по 11 орудий (вместо 54 45-мм противотанковых пушек по штату), да и то, как правило, трофейных калибра 20 и 37 мм².

Состояние войск на других направлениях было не лучше. Так, в составе войск Юго-Западного и Южного фронтов (более 800 тыс. человек) на 1 января 1942 года было всего лишь 187 танков, в том числе 53 средних и тяжелых³!

Грандиозной субъективной ошибкой была фантастическая цель, поставленная перед наносящими главный удар тремя фронтами западного направления: окружить и уничтожить в так называемом ржевско-вяземском выступе основные силы группы армий «Центр» противника. Это противоречило аксиоме военной науки, говорящей о том, что для окружения и уничтожения крупной вражеской группировки войск при

¹ История Второй мировой войны. М.: Воениздат, 1975. Т. 4. С. 305.

² Мухин Ю.И. Война и мы. Кн. 2. М.: Библиотека газеты «Дуэль», 2000—2001. С. 262.

³ История Второй мировой войны. Т. 4. С. 320.

отсутствии существенного военно-технического превосходства требуется по крайней мере полуторное, а то и двукратное превосходство в силах и средствах в оперативном масштабе.

Естественно, что эта затея провалилась. В ходе контрударов врага героические 33-я армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус, усиленный более чем 2 тыс. десантников 4-го воздушно-десантного корпуса, были окружены и разгромлены. Окружена была и 29-я армия, остаткам которой (примерно половина дивизии из семи) с трудом удалось пробиться к своим войскам⁴.

В ходе январского наступления 1942 года путем невероятных усилий противника удалось отбросить: на западном направлении на 80—100 км, на северо-западном — на 250 км. Цена каждого отвоеванного километра была чудовищной вследствие грандиозных потерь: 2 млн 852 тыс. человек, в том числе 1 млн 250 тыс. безвозвратно. Враг тоже понес чувствительные потери — 833 тыс. человек⁵.

Переход к стратегической обороне в целях накопления сил, оснащения войск вооружением и техникой и подготовки к решающим сражениям лета 1942 года не состоялся, Красная Армия была обескровлена в упорных, плохо подготовленных и обеспеченных атаках сильной немецкой обороны.

Естественное желание быстрого разгрома врага и освобождения оккупированной территории в тот период явно не соответствовало объективным возможностям страны и действующей армии и ни к чему другому, кроме как к крайнему истощению военной силы государства, привести не могло.

Накануне летне-осенней кампании 1942 года противник обладал незначительным (порядка 1,2—1,3:1) количественным превосходством в силах и средствах, а по количеству танков даже уступал нам, лишь в авиации он превосходил нас в 1,5 раза⁶.

Перед началом кампании наше Верховное Главнокомандование совершило очередную ошибку в оценке стратегической обстановки: оно *не обнаружило переноса основных усилий врага* с западного на юго-западное направление. Вследствие этого Юго-Западному фронту было предписано в мае провести наступательную операцию в целях овладения Харьковом и отвлечения оперативных резервов противника с московского направления, которое по-прежнему считалось главным. Практически одновременно планировалось проведение операций на воронежском направлении по ликвидации пресловутого ржевско-вяземского выступа, по освобождению Крыма и прорыву блокады Ленинграда. Драматические события начались буквально в начале мая.

С 8 по 18 мая из-за отвратительного оперативного руководства советскими войсками 11-й германской армии (генерал Э. Манштейн), осаждавшей Севастополь, удалось разгромить и вытеснить с полуострова Крымский фронт (44, 47 и 51-я армии). В составе фронта насчитывалось более 250 тыс. человек, 21 стрелковая дивизия, 3,6 тыс. орудий и минометов, 350 танков, 400 боевых самолетов⁷. Удалось эвакуировать 120 тыс. человек, в том числе 23 тыс. раненых⁸, погибло и попало в плен не менее 130 тыс. человек, было захвачено почти все тяжелое вооружение.

Юго-Западный фронт перешел в наступление 12 мая по двум сходящимся западнее Харькова направлениям (рис.). Советское коман-

⁴ История Второй мировой войны. Т. 4. С. 311.

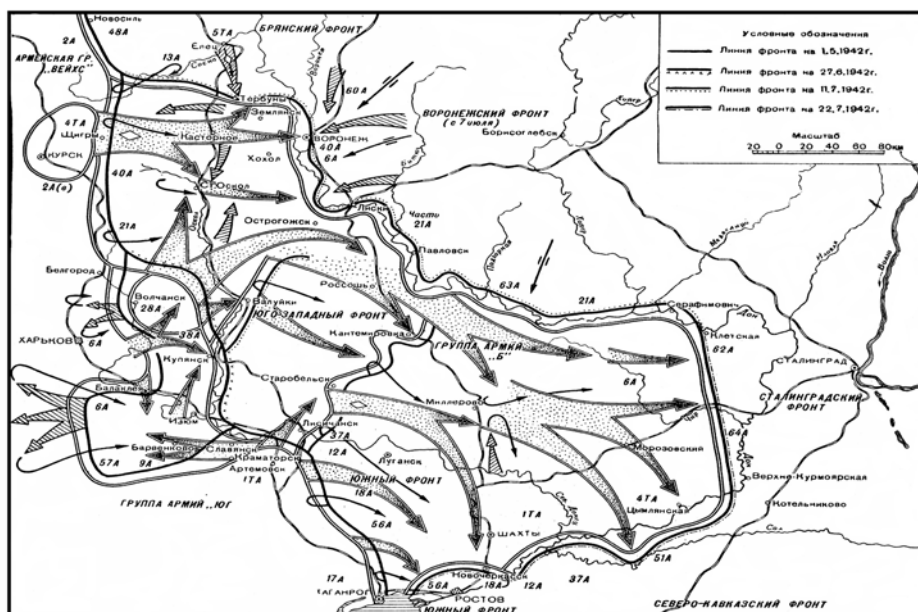
⁵ Военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1994. Т. 2. С. 38—39.

⁶ Там же.

⁷ Мухин Ю. И. Если бы не генералы. М.: Яуза, 2006. С. 228.

⁸ История Второй мировой войны. Т. 5. С. 124.

дование не подозревало, что гитлеровцы сами завершают подготовку к переходу в крупномасштабное наступление превосходящими силами на воронежском и харьковском направлениях. Противник позволил нашим войскам оставить хорошо подготовленные за зиму оборонительные рубежи и вклиниться в его оборону. Глубина продвижения советских войск за пять суток наступления составила: на северном направлении 18—25 км, на южном — 25—50 км.

Стратегический прорыв германских войск на юго-западном направлении летом 1942 года

17 мая противник, нанеся мощные удары по флангам наступавших ударных группировок, отрезал и окружил южнее Харькова 6, 9 и 57-ю армии, а севернее города — главные силы 28А. Одновременно на воронежском направлении были окружены 21-я и 40-я армии.

В харьковских котлах оказалось свыше 300 тыс. человек, из окружения вышли 27 тыс., безвозвратные потери составили 171 тыс., а санитарные — 106 тыс.⁹ В плен попало не менее 100 тыс. человек, немцы объявили о взятии 240 тыс. пленных¹⁰.

В это же время противник в процессе улучшения оперативного положения своих войск на ржевско-вяземском выступе окружил и фактически разгромил нашу 39-ю армию. Правда, в этом случае из окружения удалось вывести более 10 тыс. бойцов и командиров.

В июле были окружены и уничтожены семь дивизий и шесть бригад 2-й ударной армии Волховского фронта численностью более 100 тыс. человек. Из окружения, в котором армия сражалась три недели, провались 13 тыс. человек¹¹.

Практически одновременный разгром шести армий Юго-Западного и Южного фронтов привел к стратегическому прорыву врага на юго-западном направлении. В оперативном построении обоих фронтов образовались огромные бреши, в которые хлынули немецкие танковые и

⁹ Электронный военный энциклопедический словарь. М.: ООО «Прогресс», ИД «Равновесие», 2005. Статья «Харьковское сражение 1942 г.».

¹⁰ Кларк А. Вторая мировая война. План «Барбаросса». М.: Центрполиграф, 2004. С. 200.

¹¹ Мухин Ю.И. Если бы не генералы. С. 223.

моторизованные соединения. Все это привело к стремительному выходу германских армий к Волге у Сталинграда и к Кавказу.

При этом отходящие и подходящие советские войска оказывали противнику ожесточенное сопротивление. Они умело вели маневренную оборону (62-я армия на подступах к Сталинграду), постоянно переходя в контратаки и нанося эффективные контрудары (контрудар 9-й армией Закавказского фронта в ноябре 1942 года в районе Орджоникидзе завершился разгромом 13-й и 23-й танковых дивизий 1-й танковой армии противника)¹².

События лета 1942 года с точностью повторили события лета 1941-го. Положение спасло то, что советскому руководству путем проведения ряда частных наступательных операций на западном направлении удалось сковать значительную часть оперативных резервов врага, а ценой гигантского напряжения сил — создать по реке Дон практически новый фронт борьбы. Его основой стали четыре фронтовых объединения, вновь сформированных из стратегических резервов и отходящих войск.

Что же послужило причинами наших грандиозных поражений?

Объективно вермахт обладал значительным качественным превосходством над Красной Армией. Это подтверждает командовавший в то время 3-й танковой группой генерал-полковник Г. Гот: «Германская армия начинала свой тяжелый поход на Восток, сознавая свое качественное превосходство»¹³.

Как известно, качественное превосходство обусловливается, прежде всего, соответствием организации и оснащенности воинских формирований требованиям современной войны, а также их умением применять современные формы и способы ее ведения на всех уровнях военного искусства. Именно качественное превосходство преимущественно определяет успех ведения вооруженной борьбы. В чем же конкретно проявилось это превосходство нашего врага?

Во-первых, благодаря качественному превосходству **в авиации**, противник с первых часов войны захватил и удерживал вплоть до 1943 года стратегическое господство в воздухе. Это позволило ему полностью и практически безнаказанно реализовать высокие ударные возможности военно-воздушных сил, особенно в интересах поддержки стремительно наступавших оперативных объединений танковых войск.

Превосходство противника обуславливалось не столько техническим превосходством материальной части* и более высоким уровнем подготовки немецких летчиков, сколько уровнем управления авиационными частями и соединениями, обеспечивающим четкое взаимодействие с наземными войсками и между авиационными формированиями.

Кроме того, противнику удалось путем нанесения эффективного внезапного «разоружающего» удара уничтожить на аэродромах значительную часть авиации приграничных военных округов. Этому способствовала проводимая в нашей стране летом 1941 года тотальная модернизация приграничной аэродромной сети, вследствие чего многие авиационные части оказались сконцентрированными на весьма ограниченном количестве аэродромов.

¹² Слепенков Д.К., Червонобаб В.П., Гарбуз Г.И. и др. Армейские операции. Воениздат, 1977. С. 200—202.

¹³ Гот Г. Танковые операции. М.: Воениздат, 1961. С. 53.

* Даже наши новые истребители МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1, которых в западных округах было всего 304 единицы, уступали германскому Ме-109 по основному боевому параметру — скорости на 36—39 км/ч и абсолютно по радиооборудованию, автоматике и т. п. Остальные (И-153 и И-16) уступали по скорости на 162 и 123 км/ч, зачастую не могли догонять даже бомбардировщики врага (Мухин Ю.И. Если бы не генералы. С. 85).

Во-вторых, вермахт имел подавляющее превосходство в эффективности **управления войсками**.

Качественное превосходство в управлении обусловливается в первую очередь превосходством управленческого персонала в знании дела, в степени общей и военной культуры, в навыках и методах управления, в опытности. Во вторую очередь оно зависит от устойчивости и надежности функционирования системы военной связи в условиях интенсивного воздействия противника. По обоим этим показателям вермахт значительно превосходил РККА в 1941-м, да и в 1942 году.

Практически все германские командиры высшего и среднего звена имели высокое общее и военное образование, обладали боевым опытом участия в прошедшей Первой мировой войне на офицерских должностях*, немецкие солдаты почти все имели восьмилетнее школьное образование.

Что касается Красной Армии, то вместо профессиональных военных управленцев, на которых легла ответственность начального периода войны, она была укомплектована случайными людьми, большинство бойцов имели лишь начальное образование. Образовательная система в СССР только начала успешно работать, а большая часть образованных и опытных военных специалистов либо эмигрировала, либо оказалась в лагерях.

Управленческие должности заняли малограмотные люди — вчерашние рабочие, крестьяне, солдаты и унтер-офицеры, имевшие опыт Гражданской войны и прошедшие ускоренную подготовку на каких-либо курсах, не имея при этом **базового общего образования** (как правило, даже среднего). Так, в 1940 году среди представителей командного состава армии высшее образование было всего лишь у 2,9 %, а среди офицеров запаса — у 0,2 %¹⁴.

Особенно удручающим был низкий уровень военного образования элиты командного состава армии — командиров соединений и частей, т. е. людей, от уровня профессионализма которых в первую очередь зависит успех боя. По состоянию на 1 января 1941 года высшее военное образование имела лишь половина командиров корпусов, 40 % командиров дивизий и 14 % командиров полков¹⁵.

Результат — фантастические стратегические прожекты, неадекватное обстановке управление войсками на поле боя или постоянные шаханьга из одной крайности в другую в ходе строительства Вооруженных Сил.

Особенно ярко это проявилось при создании танковых и механизированных войск по сути основного для того времени рода войск. Первый механизированный корпус был создан в 1932 году, к началу 1936 года их имелось уже четыре, затем в 1938 году они были почему-то переформированы в танковые корпуса. В 1939 году под впечатлением превратно истолкованного опыта войны в Испании они были расформированы. В последующем, под влиянием успехов вермахта в Польше и Франции, было принято решение в 1940 году вновь сформировать девять механизированных корпусов, причем весьма непродуманного состава¹⁶.

* Например, легендарные германские военачальники генерал-фельдмаршалы Э. Манштейн и Э. Роммель. Первый прошел путь от полкового адъютанта до начальника штаба дивизии, второй героически командовал батальоном горной пехоты, пленив при этом у г. Лонгароне почти целую дивизию итальянцев и поработал в штабе армейского корпуса. Оба получили перед войной добротное образование: окончили кадетский корпус и гимназию, военную академию и полный курс военного училища соответственно. Фельдмаршал фон Руншtedт Первую мировую войну завершил в должности начальника штаба армейского корпуса, окончил военное училище и академию.

¹⁴ Военная энциклопедия. Т. 2. С. 35.

¹⁵ Мухин Ю.И. Война и мы. Кн.1. С. 136.

¹⁶ Головин М.И. О применении корпусов сухопутных войск // Военная Мысль. № 10. 1981. С. 42.

Достаточно сказать, что в корпус, по сути, тактическое соединение, по штату входил 1031 танк и 268 броневых автомобилей!¹⁷ Этого было много даже для танковой армии*. Как применять эту громоздкую структуру, как управлять таким количеством бронеобъектов, да еще и при отсутствии радиостанций, как их поддерживать и осуществлять материально-техническое обеспечение, видимо, даже не задумывались.

В управлении войсками одним из важнейших критериев является качество функционирования системы военной связи. Именно в этом вопросе наиболее ярко сказалось наше общее отставание.

Высшее руководство Вооруженных Сил не понимало значения радиосвязи в современной вооруженной борьбе и не уделяло должного внимания ее развитию**.

Средний и низший командный состав не знал техники связи и методов ее применения в бою и операции и не без оснований боялся пользоваться радиосвязью, так как в войсках отсутствовали кодировочные машины и эффективные методы кодирования информации, а также обеспечения безопасной работы средств радиосвязи.

Вследствие этого наша стрелковая дивизия накануне войны по штату имела всего лишь 22 радиостанции. Реальная же обеспеченность средствами радиосвязи была еще ниже. Так, по состоянию на 22 июня 1941 года обеспеченность войск Белорусского ОВО радиостанциями армейского звена управления составляла 26—27 %, корпусного и дивизионного — 7 %, полкового — 41 %, и это от положенного по штату!¹⁸

В обычной германской пехотной дивизии только в дивизионных частях было порядка 70 радиостанций! В батальоне связи дивизии была еще 21 весьма эффективная радиостанция и шифровальная машина «Энигма». Кроме того, в батальоне имелся взвод радиоразведки, который прослушивал работу наших радиостанций, пеленговал их и вызывал по ним огонь!¹⁹

Различие в подходах к этому важнейшему аспекту управления войсками у нас и у них было колоссальным, что и обеспечивало противнику огромное качественное превосходство в ведении вооруженной борьбы. Пример: уже в середине дня 22 июня 1941 года командующий нашей 3-й армией донес в штаб Западного фронта, что из трех (!) имевшихся у него радиостанций две разбиты, а третья повреждена²⁰. Это говорит о том, что с первых часов войны более четырех сотен батальонов и дивизионов армии воевали по своему разумению.

В довершение всего в конце 30-х годов в Красной Армии образовался продолжавшийся вплоть до 1943 года невероятный кадровый голод, сопровождавшийся нелепейшими назначениями и кадровой чехардой***.

В-третьих, части, соединения и объединения вермахта прошли эффективное боевое слаживание и обкатку войной в ходе польской и французской кампаний, а командиры всех степеней получили хорошую практику боевого управления в условиях ведения современной вооруженной борьбы.

¹⁷ Крупченко И.Е., Сергеев Л.В., Киреев Н.А. и др. Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1979. С. 44.

* Достаточно сказать, что в мае 1942 года во всем Юго-Западном фронте насчитывалось всего 925 танков, а в советской танковой армии в 1944 году было 600—800 танков и САУ.

** Так, в 1940 году в главной «кузнице» наших военных кадров Военной академии им. М.В. Фрунзе на изучение вопросов связи не отводилось ни одного учебного часа. (Мухин Ю.И. Война и мы. Кн. 1. С. 121).

¹⁸ Мухин Ю.И. Война и мы. Кн. 1. С. 122.

¹⁹ Там же. С. 122—123.

²⁰ Мухин Ю.И. Война и мы. Кн. 2. С. 89.

*** В 1940—1941 годах пять раз (в среднем через каждые 3—4 месяца) сменялись начальники управления ПВО, с 1936 по 1941 год сменилось пять начальников главного разведывательного управления ГШ и т. п. (Мухин Ю.И. Война и мы. Кн. 2. С. 282).

Полученный опыт дал возможность гитлеровскому командованию оптимизировать боевую подготовку, организационно-штатную структуру и оснащение войск вооружением и техникой, особенно качественно — новых соединений и объединений танковых и механизированных войск. Это позволило с первых дней войны полностью использовать их высокие боевые возможности. Достаточно сказать, что германскую танковую дивизию в наступлении по нормам еще 1939 года обслуживали **десять** самолетов разведчиков-корректировщиков!²¹ У нас такого уровня обеспечения общевойсковых соединений воздушной разведкой не было.

Немецкая пехотная дивизия имела артиллерийский полк в составе трех дивизионов 105-мм и дивизиона 150-мм гаубиц, наша — только легкий пушечный полк²². Естественно, что она значительно уступала противнику в огневой мощи. Немецкая пехотная дивизия имела 75 противотанковых орудий калибра 37 и 50 мм, которые с 500 м пробивали лобовую броню основной массы наших танков (кроме Т-34 и КВ). Даже противотанковые ружья противника (калибром 20 и 7,92 мм) с 300 м пробивали лобовую броню танков серии БТ (выпущено 8 тыс. единиц) и Т-26 (11 тыс.). Наша пехота в противотанковом отношении оказалась фактически безоружной! Основная для того времени советская 45-мм противотанковая пушка с дистанции 500 м пробивала 42-мм броню, в то время как лобовая броня даже легкого германского танка чешского производства составляла 52 мм²³.

Этим в основном и объясняется, почему тысячи наших танков сгорели в ходе проведения контрударов в приграничной зоне и почему германские танки проходили через нашу оборону, как нож сквозь масло.

Таким образом, обладая эффективным вооружением, оптимальной организацией, богатым боевым опытом, отличной выучкой и основывающейся на них уверенностью в своих силах, германские войска имели недостижимый для того времени уровень боевого мастерства, что во многом обуславливало их качественное превосходство.

В-четвертых, вермахт имел несравненно более высокую, чем наша армия, техническую оснащенность. Он получил возможность использовать лучшее вооружение и военную технику захваченных европейских стран, обладавших развитой экономикой. В распоряжение Германии поступило свыше 600 тыс. собранных со всей Европы автомобилей, что позволило оснастить даже пехотные дивизии **почти тысячей грузовиков**. По свидетельству Ф. Гальдера, весной 1940 года в вермахте «на 4,2 млн человек (общая численность армии) было 420 тыс. автомашин»²⁴. Во всем народном хозяйстве СССР в 1941 году автомобилей насчитывалось порядка 500 тыс., а в войсках — всего лишь 27 тыс.²⁵ Правда, по мобилизации Красная Армия получила 234 тыс. автомобилей²⁶, однако к моменту их поступления приграничные сражения уже были проиграны.

Вспоминая то трагическое время, маршал Г.К. Жуков с горечью признавался: «Слабая моторизация не позволяла маневрировать, своевременно выходить в нужные районы и вести упорную борьбу с врагом. Мы всюду и везде опаздывали»²⁷.

²¹ Мухин Ю.И. Война и мы. Кн. 2. С. 96.

²² Там же. С. 110.

²³ Там же. С. 125—128.

²⁴ Исаев А.В. Антисуворов. М.: «Яуза — Эксмо». С. 146.

²⁵ Мухин Ю.И. Если бы не генералы. С. 487; История второй мировой войны. М.: Вое-
низдат, 1974. Т. 3. С. 428.

²⁶ Исаев А.В. Антисуворов. С. 174.

²⁷ Анфилов В. Под Москвой и Берлином (из разговоров с маршалом Г.К. Жуковым) // Независимая газета. 8.05.1997.

И, наконец, в-пятых, что, очевидно, самое главное: германские сухопутные войска многократно превосходили нас **в оперативной мобильности**.

Для нападения на Советский Союз гитлеровцы создали четыре танковые группы, по сути — четыре полностью моторизованных оперативных объединения танковых и механизированных войск, способных практически автономно вести высокоманевренные боевые действия в оперативной глубине противника, без оглядки на отставшую пехоту. Кстати, для разгрома Франции хватило одной такой группы, сыгравшей решающую роль в стремительно проведенной стратегической наступательной операции.

Применение танковых групп в первом эшелоне оперативного построения позволяло легко, без больших потерь прорывать оборону пехотных соединений и стремительно развивать тактический прорыв в оперативный. Это создавало благоприятные условия для осуществления охватов, глубоких обходов и окружения наших малоподвижных из-за фактического отсутствия автомобильной техники войсковых масс, которые немедленно лишались снабжения и управления.

В 1941 году Красная Армия ничего не могла противопоставить противнику. Попытка И.В. Сталина создать к началу войны около трех десятков боеспособных механизированных корпусов провалилась. Мы просто не успели. Первые две очень громоздкие, трудно управляемые и слабо маневренные танковые армии (которые можно лишь условно назвать танковыми) появились у нас лишь в мае-июне 1942 года.

К началу 1941 года удалось сформировать девять механизированных корпусов²⁸, на оснащение которых поступило чуть более трех сотен современных тяжелых и средних танков (КВ и Т-34)²⁹. Остальные двадцать корпусов находились в процессе формирования. Выпущенные в первой половине 1941 года еще полторы тысячи современных танков были распылены по многочисленным вновь формируемым соединениям, освоить же их в достаточной степени не хватило времени.

Именно поэтому, а также вследствие почти полного отсутствия соответствующего технического обеспечения, о создании эффективной системы которого в корпусах и дивизиях просто забыли, в ходе приграничных сражений почти 50 % танков было брошено из-за мелких технических неисправностей³⁰.

Эффективные средства управления, зенитно-артиллерийского прикрытия, мотопехота и автотранспорт в корпусах фактически отсутствовали, что в условиях современной войны делало их малобоеспособными. Даже учебного опыта их оперативного применения фактически не было.

О плачевном состоянии большинства наших механизированных корпусов свидетельствует маршал К.К. Рокоссовский, получивший в конце 1940 года назначение на должность командира 9-го механизированного корпуса Киевского Особого военного округа (КОВО): «К началу войны наш корпус был укомплектован людским составом (36 тысяч человек) почти полностью, но не обеспечен основной материальной частью: танками и мототранспортом. Обеспеченность этой техникой не превышала 30 % положенного по штату количества (примерно 300 танков). Техника была изношена и для длительных действий непригодна. Проще говоря, корпус как механизированное соединение для боевых действий... был небоеспособен... С горечью смотрел я на наши старень-

²⁸ История Второй мировой войны. М.: Воениздат, 1974. Т. 3. С. 420.

²⁹ Там же. С. 384.

³⁰ Исаев А.В. Антисуворов. С. 172.

кие Т-26, БТ-5 и немногочисленные БТ-7... Основная масса войск корпуса, — по существу, пехота, лишенная конского тягла»³¹.

В таком же состоянии были три из пяти механизированных корпусов второго по стратегической важности военного округа. «Они представляли собой плохие пехотные соединения, к тому же не имевшие и положенного стрелковому соединению вооружения»³². Лишь 4-й и 8-й механизированные корпуса «...были более-менее способны вступить в бой»³³.

На первый взгляд свидетельства К.К. Рокоссовского кажутся абсурдными: страна обладала самым крупным в мире и очень неплохим для своего времени танковым парком — 23 тыс. единиц. Правда состоит в том, что техническое состояние этого парка вследствие нещадной, а зачастую и малограмотной эксплуатации, а также отсутствия действенной системы технического обеспечения было ужасным.

Из 21 тыс. танков старых образцов по состоянию на 15 июня 1941 года капитального ремонта требовали 29 %, т. е. более 6 тыс. машин. Еще 44 %, т. е. 9 тыс., танков нуждались в среднем ремонте³⁴. Как правило, в средний ремонт отправляются машины, выработавшие ресурс силовой установки, ходовой части и, значительно реже, вооружения. Их боеспособность была существенно ограничена, так как они могли применяться лишь в качестве неподвижных или малоподвижных огневых точек.

Таким образом, страна имела готовыми к бою 1863 современных танка (1224 Т-34 и 639 КВ) и 6 тыс. устаревших (Т-26, БТ-5, БТ-7 и др.), т. е. 7,8 тыс. боевых машин. Так как оборона Дальнего Востока требовала не менее 2 тыс. танков, то в механизированных корпусах могло быть не более 6 тыс. исправных единиц, чего явно не хватало даже для уже существующих корпусов. А ведь формировалось еще два десятка!

Особенно порочным было то, что вместо концентрации в трех-четырех развернутых на главном направлении корпусах новые танки были распределены по 13 соединениям всех фронтов.

Примечательно, что действия одного танка германского моторизованного корпуса поддерживали и обеспечивали 103 солдата и офицера, примерно два орудия и миномета, 18 автомобилей и 11 мотоциклов. В нашем же механизированном корпусе — 35 человек, 0,3 орудия и миномета, пять автомобилей и два мотоцикла³⁵. И это по штату! В реальности эти показатели были намного ниже.

Основным пороком организации и вооружения наших подвижных формирований было отсутствие частей самоходной артиллерии и технического обеспечения, надежных подвижных, защищенных радиостанций для управления механизированными частями и соединениями в ходе очень динамичного для того времени боя, бронетранспортеров для мотопехоты, разведчиков, связистов и саперов, корректировщиков огня артиллерии.

В германских подвижных соединениях все это было в рациональных количествах и прекрасно освоено. Уже по штату 1939 года в состав германской танковой дивизии входили 421 бронетранспортер, 561 вездеход, более 1400 грузовых и специальных автомобилей³⁶.

Особенно следует отметить тщательно продуманную систему взаимодействия наземных германских войск с поддерживающей авиацией.

³¹ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1997. С. 33, 40.

³² Там же. С. 55.

³³ Там же. С. 54.

³⁴ Крупченко И.Е., Сергеев Л.В., Киреев Н.А. и др. Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. 1979. С. 10.

³⁵ Исаев А.В. Антисуворов. С. 173.

³⁶ Мухин Ю.И. Война и мы. Кн. 2. С. 137.

В каждом полку танковой или моторизованной дивизии в наступлении имелась приданная от люфтваффе штатная группа наведения авиации.

Вследствие вышесказанного уровень взаимодействия и обеспеченности у немецких танкистов был в три—пять раз выше, чем у нас.

Окончательное становление советских танковых и механизированных войск было долгим, мучительным и происходило в ходе ожесточенных сражений 1942—1943 годов.

В это время во всю мощь заработали эвакуированные с запада предприятия военной промышленности, новое вооружение и техника пошли на фронт сплошным потоком. В действующей армии выросли опытные и энергичные командиры, в значительной степени обновилось высшее военное руководство. Экономическая и военная помощь западных союзников стала динамичной и эффективной.

И самое главное — к осени 1942 года в сознании бойцов и командиров Красной Армии произошел коренной перелом. И первейший генерал, и последний рядовой четко осознали наличие в жизни каждого из них беспощадной альтернативы: либо они нас, либо мы их, третьего не дано. Сопротивление советских войск стало невероятно ожесточенным. Постепенно войска насыщались техникой и вооружением, их организационная структура совершенствовалась. Количественные изменения в оснащенности наших войск неуклонно превращались в качественные.

Перед врагом стал постепенно проявляться качественно новый облик Красной Армии, грозный и невероятно мощный. Это явление не замедлило сказаться роковыми для агрессора событиями конца 1942 года.
